

ЭДУАРД фон ЛЕНЦ

## РОССИЯ И ВОСТОК В ИСТОРИИ ОРУЖИЕВЕДЕНИЯ<sup>1</sup>

По праву в исторических исследованиях истории развития знаний оружейведения из года в год все большее внимание обращается на Восток, на страны, которые для европейского вооружения имели огромное значение и как колыбель и как мастерская. В Предисловии к своему «Оружейведению» В. Бёхайм продемонстрировал, хоть и в общих чертах, но достаточно убедительно, какое большое и даже революционное влияние оказали наступающие восточные народы на вооружение романской и германской рас, и в дальнейшем в этом труде тщательно отслеживаются следы восточных форм в западноевропейском защитном и наступательном вооружении. Мы бы ушли далеко в сторону, если бы стали подробно объяснять, что было сделано этим великолепным автором и другими исследователями до и после него в работе над этим вопросом; цель этих строк только обратить внимание любителей оружейведения на область исследования в этом направлении; его тщательная и систематическая разработка может привести к интересным, полезным и, возможно, важным результатам: мы имеем в виду обстоятельное изучение номенклатуры оружия, произведенного восточными народами, особенно персами, арабами, татарами и турками, а также поиск и обнаружение восточных терминов в лексике тех народов Европы, которые прямо или косвенно соприкасались с военной силой Востока.

Следует отметить, что не у всех авторов, к сожалению, есть возможность плодотворно работать над этой проблемой – им не хватает соответствующих знаний: восточных языков, сравнительной грамматики и, наконец, европейских языков, на которые следует обращать внимание в первую очередь. Сегодня трудно предположить, что такой объем знаний может быть у одного человека, однако работа может быть разделена и, учитывая, что сама идея превосходна, мы ни на мгновение не сомневаемся, что во все более расширяющемся круге членов общества исторического оружейведения многие согласятся направить свои знания и возможности на решение этого вопроса. Может быть на этой дороге совместными усилиями мы положим первые камни в основание этой

---

<sup>1</sup> Источник: E. Lenz. Russland und der Orient in der Geschichte des Waffenwesens. Zeitschrift für historische Waffenkunde. I Band, 1 Heft. Dresden, 1897. S. 109-112. Перевод: Самгин С.В.

работы, которая, возможно, увидит свет по прошествии многих лет или десятилетий: международный (на нескольких языках) энциклопедический оружейведческий словарь.<sup>2</sup>

Но это видится в достаточно отдаленном будущем, а мы последуем совету, который дал почтенный редактор этого издания, узнав об этом плане: «не начинать большую и комплексную работу, для которой пока отсутствуют необходимые силы, но разработать очень подробный план и не сдаваться».

Поэтому мы остановимся пока только на очевидном, очертим границы так плотно, как это только возможно при разработке поставленного вопроса, доказав для начала прямые заимствования восточных названий, которые пришли на Запад с соответствующим оружием, продемонстрировав фонетическую схожесть названий.

Помимо механических выписок из соответствующих словарей, у нас нет, как сказано, независимых исследований в этой области, но мы можем, следуя просьбе уважаемой редакции, предложить не более чем серию примеров из в основном российских монографий и специальных работ<sup>3</sup>, которые могут показать, как лингвистический материал исторических исследований помогает, дополняет и направляет оружейведение.

Начиная с защитного вооружения тела русских воинов, мы видим, что славяне в древности в качестве общего обозначения защитного вооружения тела использовали слово «броня» - *Brünne*, при этом каждый вид доспеха, принесенный монголами, носил исключительно восточное название. Так, различают среди кольчатых панцирей «байдану» (от арабского *Badán*), кольчатую рубашку длиной до колен с длинными рукавами, «колонтарь» или «калонтарь» (возможно связано с арабским *chálketun*), усиленный небольшими пластинами, состоящий из нагрудной и наспинной частей панцирь «бахтерец» или «бехтерец» (от монгольского *Bekter*), аналогичным образом доспех из полос небольших пластин, скрепленных кольцами, и «юшман» (от персидского *dshoushén*, арабского *dsheuschén*, искаженные в татарское *juschán*) такой же конструкции. Несомненно арабского происхождения в дальнейшем «куяк» (монгольское *chujáck*), панцирь, состоящий из скрепленных между собой чешуевидных пластин – вид итальянского коразина. Усовершенствованный русский пластинчатый панцирь, называемый «зерцало», в котором по форме и названию можно предположить восточное происхождение, вернувшийся позже обратно в Персию (*zerh* = *panzer*, *zirih dschâme* – прикрепляемая поверх одежды защита). Здесь следует упомянуть еще один доспех, имеющий монгольское происхождение, носимый преимущественно общинными воинами «тегилай» (монгольское *Tegél* – шов, строчка, возможно, тюркское *Teuél*) обычно

<sup>2</sup> Научный успех будет гораздо больше, чем просто сухой словарь. Он поставит наши ранние предположения о происхождении и развитии типов оружия на другой основе. Скромность автора позволяет ему ставить только ближайшие цели. Примечание Редакции *Zeitschrift für historische Waffenkunde*.

<sup>3</sup> Здесь были использованы нижеследующие труды: словари: Срезневского (старорусский), Востокова (церковнославянский), Даля (новорусский), Гиргаса (арабско-русский), Юсуфа (тюрко-французский), специальные работы: Висковатов, Вооружение русской армии; Вельтман, Оружейная палата Москвы; Савваитов, Царские регалии в Московской Оружейной палате; Доржи Банзаров, О восточном названии одного старорусского предмета вооружения; Гиллер, О татарском вооружении в Императорском музее в Царском селе; проф., д-р Карабаец, Заметки о восточном предмете в историческом собрании г. Вена 1883.

шерстяная или хлопчатобумажная одежда с высоким стоячим воротником и с короткими рукавами с пришитой толстой стеганой подкладкой из ваты или конопли для усиления кольчатого доспеха. И, наконец, следует отметить, что одна деталь в кольчатых доспехах, а именно плоские кольца (называемые в Европе *Jazerin*, в Италии – *Dhiazzerino*) по-видимому также имеет восточное, скорее всего арабское происхождение; по крайней мере слово «яцерин» может быть легко связано с от арабского к современному алжирскому приобретенному *al-djezaïr*, и это предположение подтверждается стихом Вольфрама фон Эшенбаха (*Willehalm* 356, 12), в котором берберский король описан в изготовленном из яцерина доспехе.

Для средств защиты головы в бою в качестве общего термина у русов мы находим индо-германское слово «шлем», «шелóm» или «шолóm» (*Helm, heaume*), в тоже время отдельные типы шлемов могут носить арабские или татарские названия. Так, например, «шишák» (от татарского «шиш» - «пик», возможно, от тюркского «шиш» = «вёртел», короткий колющий кинжал), конический, с высоким шпилем шлем, который передал свое название европейскому *zischägge* – боевому капюшону, «колпák» (татарское *Kalpák*) примерно такой же формы, «мисюрка» (от «меср» или «миср» - арабского имени египтян), немного выгнутая пластина с свободно свисающей кольчужной сеткой. Также с Востока взято крепление на шпилье шлема ярко-красного флага, характерное для русских воинов; этот флажок по-русски назывался «яловец» - в котором, без сомнения, следует признать татарское слова «йелюу» = флаг. Тем не менее, надо заметить, что, несмотря на многочисленные заимствованные с Востока специальные обозначения для средств защиты головы в бою, отдельные составные части шлемов, такие как верхняя часть («венец»), наносник («нос»), «затылочная часть» («затылок»), козырек («полка»), наушники («уши» или «науши»), сохранили старославянские названия. Обычный круглый щит (на русском «щит»), как и его части, не испытал влияния Востока, в то время как тарч, русское «тарч» или «торч», без сомнения имеет восточное происхождение (от арабского *darake* – по д-ру Карабацеку, от арабского *turs* – по Савваитову). Следует также добавить, что форма русского тарча или скорее защитного оружия, которое в России под ним понимают, не может быть определена нами из доступных источников; в Оружейной палате хранится тарч «с левой перчаткой и кинжалом», и в 1591 году прибыл в Москву подарок польского короля Сигизмунда III, в котором помимо прочего был «тарч, прикрепленный к седлу с ножнами с позолоченным наконечником» (здесь имеется в виду панцерштехер).

Среди белого оружия в первую очередь кrummшверты или сабли имеют чисто восточные корни. Название было получено из разных источников, от арабского *seif*, бактрийского *sufta*, санскритского *schubra* и т.д., во всяком случае славяне это оружие знали издавна, и оно часто называется в летописях в 968 году, причем это, возможно, объясняет, что отдельные части сабли, как гриф («крыж»), клинок («полоса»), лезвие («лезвие»), гарда («огниво») имели славянские названия; только непосредственно от монголов заимствованная деталь, широкое обоюдоострое, прямоугольное на обратной стороне острие сабельного клинка называлось соответствующим

татарским словом «елмань». Азиатское происхождение имеет и панцерштехер с 3-х или 4-х гранным с преимущественно шилообразным клинком, на русском «кончар» (арабское *chandcher*, персидское *chanchar*, монгольское *kingar* = кинжал, нож). В конце концов следует указать на «кортик», короткий охотничий кинжал или хиршфенгер (персидское *kard* = однолезвийный короткий меч, польское *kord*, с корнем которого состоят в некоторой связи термины *courtelas* и *kordelatsch*) и «тесак», саблеподобное, широкое, однолезвийное рубящее оружие, которое в 15 веке в Европе носило название *dussägge*.

Среди русского древкового оружия мы не найдем указаний на восточное происхождение, за исключением, возможно, более относящегося к метательному оружию, хранящимися парой или тройкой в одних ножнах с коротким мечом метательными копьями, по-русски называемыми «джид». Это название выводится обычно из арабского слова *dschirid*, здесь следует особо отметить замечание Доржи Банзарова о том, что современные монголы дротики называют *dshada* или *dshida*.

Среди ударного оружия имеются два действительно восточных названия, и оба, «шестопер» и «буздыхан» представляют виды булав. Шестопер означает, как и персидский корень слова *scheschper*, «шесть перьев» и имеет шесть радиально размещенных перьев на цилиндрической или угловатой голове; об оружии, называемом «буздыхан» существуют различные мнения: Савваитов считал его подвидом моргенштерна, голова которого была снабжена острыми шипами, Вельтман – идентичным шестоперу, д-р Карабацек называл этим названием боевой топор с молотком.

Лук и его составные части в своих русских наименованиях не испытали отчетливого восточного влияния, однако среди использовавшихся русами наконечников стрел мы находим «томара» с втульчатым или грушевидным наконечниками, «северги» (от монгольского *dzebe*?) и кайдалики, которые, кажется, фонетически могут относиться к Азии, но об их форме дополнительные данные отсутствуют.

Из огнестрельного оружия мы можем отметить только название «тюфяк» (тюркское *tüfenk* = «ружье»), как на имеющее восточные корни. Но следует отметить, что по крайней мере до конца XIV века этим словом обозначали не только стреляющие огнем трубы, но и метательные машины, использовавшиеся для одновременного метания большого количества стрел или дротиков.

Попытка сделать какие-нибудь выводы из вышеизложенных, быстрых и эскизных записок о характере и времени заимствования русами восточного оружия будет преждевременной и ничем не оправданной. Не это цель данной статьи. Мы надеемся через приведенные примеры добиться повышения интереса и распространения идеи, что тщательный сбор и анализ соответствующего лингвистического материала вообще и восточного в частности могут помочь исследованиям по истории развития вооружения и – при правильном подходе – должны привести к положительным результатам.